

Критика и публицистика

Виктория
ЗАХАРОВА

Нижний Новгород

Виктория Трофимовна Захарова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина. Автор книги и монографий: «Импрессионистические тенденции в русской прозе начала XX века». — М., 1993; «Духовный реализм И.С. Шмелёва: лейтмотив в структуре романа «Пути небесные». (Совместно с О.Е. Галаниной) — Н. Новгород, 2004; «М.Горький — художник Серебряного века». — Н.Новгород, 2008; «Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики». — Нижний Новгород 2013 и др. Живёт в г. Дзержинске Нижегородской области.

ДЕТСТВО КАК МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ В ПРОЗЕ В. В. СДОБНЯКОВА (ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ «КОЛЬКА»)

Статья взята из книги: «XXII Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге 25-28 мая 2022 г.: сборник научных статей и материалов литературных секций / отв. ред. Д.К. Богатырев, сост. И гл. ред. О.В. Богданова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2022. 276 с.

Художественное осмысление темы детства во все времена было присуще русской литературе: в диахронии это огромный массив произведений различных жанров. Детство как эпоха в жизни человека осмыслялось русскими философами, писателями. В данном аспекте нами предпринят анализ повести в рассказах «Колька» современного российского писателя В. В. Сдобнякова, лауреата многих литературных премий и наград. Несмотря на камерность изображаемого, повесть расширяет проблематику изображаемого до масштабов общечеловеческих, бытийных, что свойственно традициям классики. Кратковременное общение взрослого человека с семилетним мальчиком оказывается для него необычайно целительным; благодаря способности ребенка одухотворенно воспринимать природный мир, взрослому герою повести удалось испытать ту невероятную Божественную гармонию, которая приходит с человеком в мир и всю жизнь зовет за собой, открываясь в редкие мгновения нравственных потрясений. Но тяготение к ней, ощущение ее присутствия в мире – залог грядущего обретения человеком своего обновленного естества.

Ключевые слова: детство, метафизический возраст, В. Сдобняков, повесть «Колька».

Художественное осмысление темы детства во все времена было присуще русской литературе: в диахронии это огромный массив произведений различных жанров. Нас в данном случае интересует не собственно «детская литература» как литература для детей, а литература о детях.

Обозначение детства как «метафизического возраста» принадлежит В. В. Розанову. Он замечал: «...я имел безумную влюбленность в стариков и детей.

Это МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ. Он полон интереса и значительности. Тут чувствуется “Ад” и “Небо”» [4, с. 39].

Детство как эпоха в жизни человека часто поднималась русскими философами, писателями. Так, известно, какое несогласие у молодого Л. Толстого вызвало намерение Н. А. Некрасова изменить название первой повести его автобиографической трилогии «Детство» на «Историю моего детства» [3, с. 801]. Задумывая, собственно, роман «Четыре эпохи развития» как тетралогию, а не трилогию, Толстой давал именно обобщенные названия периодам становления человека: «Детство», «Отрочество», «Юность». Неосуществленным, как известно, остался замысел повести «Молодость». Для Толстого важно было утвердить не столько типически-психологическое в обобщенном понятии «детство», сколько *типически-философское, метафизическое*. Задачу свою он выполнил блистательно: детство именно как определенная эпоха в развитии личности показано в необычайно живой конкретике.

В классической отечественной прозе более всего примеров такого типологического ряда представляет автобиографическая проза М. Горького, И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева. Однако метафизический характер тема детства приобретала в XX веке в восприятии взрослого человека безотносительно автобиографичности: это произведения С. Н. Сергеева-Ценского, Ю. Казакова. Эти произведения обладают высоким уровнем онтологичности— обращением к вечным, бытийным проблемам бытия, далеко выходя за рамки частного случая, описываемого в малом жанре.

Целью данного небольшого исследования является анализ повести в рассказах (так автором обозначен жанр произведения) «Колька» В. В. Сдобнякова, являющейся, по нашему представлению, развитие такого рода типологической ветви отечественной прозы.

Валерий Викторович Сдобняков—прозаик, публицист, главный редактор журнала «Вертикаль XXI век», председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Его перу принадлежат многие сборники прозаических, публицистических произведений, среди которых «Последний день: Повесть и рассказы»; «Сроки. И наступит время правды», «Лестница» и мн. др. [6]. Его творчество отмечено многими литературными премиями, в том числе Международной премией им. М. А. Шолохова (2008), Всероссийской премией Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (2015) и др. На X Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» В. В. Сдобняков получил Золотой диплом за книгу «Звезда в старом колодце» (2019).

Впервые повесть «Колька» была опубликована полностью в 2007 году в журнале «Дальний Восток», №5. Затем она печаталась в журналах и альманахах Минска, Тулы, Смоленска, Красноярска, публиковалась и в США.

В повести два главных героя — повествователь, молодой учитель, и 7-летний деревенский мальчик Колька. С Колькой, как объясняет рассказчик, он подружился год назад относительно описываемых событий, когда приехал отдохнуть в маленькую деревеньку, сняв жилье у одинокой старушки.

Повествование строится как воспоминание о вновь проведенных в деревне днях. Именно Колька стал главным и единственным наперсником рассказчика в его общении с окружающим миром. Сложилось так, что Колька невольно, в силу занятости своих родителей работой в колхозе, был полностью предоставлен самому себе и много времени проводил в лесу, на реке, куда теперь он стал ходить вместе с приехавшим гостем.

Обратимся непосредственно к текстам рассказов, каждый из которых раскрывает различные концептуальные грани книги. Рассказ «Го-

ворящее дерево» построен следующим образом. Повествователь идет в лес искать Кольку, который давно туда ушел и тем обеспокоил его, хотя квартирная хозяйка Прасковья Ильинична не считала, что за Кольку в этом плане стоит беспокоиться.

Встреча с Колькой в лесу удивила рассказчика: «Он сидел у ствола высокой сосны, привалившись к ней спиной, и, запрокинув голову, смотрел куда-то вверх. Его маленькая фигурка казалась неживой, застывшей, будто Колька увидел или услышал что-то необычное, завораживающее и замер» [5, с. 149].

Автор почувствовал, что присутствует при чем-то совершенно необыкновенном. Следует сказать, что рассказы В. В. Сдобнякова в определенном смысле построены по принципам фольклорного текста: читатель постепенно подготавливается к восприятию чуда. «Я остановился. Непонятная сила помешала мне подойти к сидевшему на земле мальчику, нарушить его одиночество, спугнуть мечту или чудо, которое сейчас, может быть, наяву пришло к нему». Вскоре он услышал:

«И тут... в лесу послышался протяжный, сначала совсем тихий, но затем всё нарастающий, набирающий силу скрип. Он был жутким и красивым. В какой-то момент показалось мне, что это настоящий живой голос, что дерево в лесу живёт так же, как и мы – чувствует боль, мучается от старости и одиночества» [5, с. 150].

Повествователь оказался во власти чувства «что дерево разговаривало с Колькой, жаловалось ему на что-то откровенно, уверенное в том, что он поймёт, посочувствует, поможет» [5, с. 150].

В рассказе возникает особая, возвышенно-одухотворенная, психологически-напряженная ситуация, втягивающая и читателя в таинственную сферу непостижимой связи природы и человека. Повествователь, бывший свидетелем «разговора» дерева с Колькой, недоумевает, почему он, проходя утром мимо этого дерева, ничего не слышал: «А может быть, это дерево не захотело разговаривать со мной, не поверило мне, не доверило своей тайны...» [5, с. 150]. Он вспоминает, что в прошлый его приезд, зимой, Колька показал ему в чаще леса березу с огромным наростом, поразительно похожим на сморщенное лицо старого и злого человека, показавшегося Кольке лешим. «С того-то времени, — признается повествователь, — я и решил для себя, что на свете нет домовых и леших, но на свете есть чудеса». [5, с. 153]. Однако встреча с «разговаривающим» деревом побудила повествователя задуматься о большем:

«И вот теперь разговаривающее дерево. Что это, игра? А может быть, что-то другое, настоящее и жизненно важное не только для Кольки, но и для всех нас. Только мы повзрослели и теперь многого не замечаем. Может быть, это я навсегда оставил в своём детстве что-то очень важное, какое-то природное таинство, дарованное мне с рождения» [5, с. 153].

Вот в этих размышлениях, как нам представляется, и заложена квинтэссенция рассказа: возможность ребенка слиться с «живой жизнью» природного мира представляется автору необыкновенно важной душевной способностью, которую взрослый человек теряет вследствие своей рационалистичности, оторванности от жизни природы.

В произведении В. Сдобнякова повествование построено таким образом, что каждый рассказ, на наш взгляд, является более сильной градацией по сравнению с предыдущим в постижении повествователем того таинственного мира, в который вводил его Колька, который он ему *дарил*.

Рассказ «Ветер» построен на соотношении состояния статичности погруженного в затянувшуюся непогоду мира и в связи с этим чувством

экзистенциального одиночества, охватившего повествователя в этом, казалось бы, бесконечном ненастье. Появившийся среди этой непогоды Колька как ни в чем ни бывало зовет своего старшего друга в лес. И не просто так, конечно, а... «на ветре кататься»! [5, с. 167].

Реакция повествователя была раздраженной: он не понимал, почему он слушается этого мальчика, почему он, действительно, пойдет сейчас за ним, не понимая, ради чего все это ему нужно. Это чувство подсознательно его тяготило. Здесь, как нам представляется, «закодирован» на подтекстово-ассоциативном уровне авторский императив: *что* важно и нужно понять, постичь в этой ситуации взрослому человеку.

Далее описывается, — проникновенно, поэтически, — собственно действие, ради которого Колька звал своего друга к обрыву реки. Колька забирается по стволу нависшей над обрывом березы чуть ли не к верши-не дерева. Автор недоумевает:

«Снизу от воды я следил за тем, что делал Колька, и не мог понять, для чего всё это. А там, наверху, Колька, казалось, слился с деревом, стал с ним одним целым. Он распластался по стволу, расслабился и закрыл глаза. Я долго смотрел на Кольку, пока в какое-то мгновение вдруг не почувствовал, что ветер подхватил и начал действительно раскачивать, баюкать его. Колька летал!!! Нет, он, конечно, по-прежнему лежал на тонком стволе берёзы, но в то же время это будто бы не весь Колька, только его внешняя часть, а то, самое главное, сейчас вышло из него и, соединясь с природной силой — ветром, водой, мелко морсящим дождём, небом — жило в их измерениях, в их силе» [5, с. 169].

И повествователь не смог не почувствовать истинность чувств и состояния мальчика, — более того, в собственном подсознании он почувствовал, что и сам когда-то был приобщен к подобному чуду: «Это был порыв, приоткрывший дверь в таинство, чем-то неуловимо знакомое мне. Казалось, подобное я уже испытывал. Но когда, когда? А Колька летал! Я знал это, и мне хотелось быть с ним рядом» [5, с. 169].

Совершившееся действие привело рассказчика к высокому психологическому накалу, он оказался в сфере необычайных чувств, представлений. И Колька это почувствовал. Повествователя поразило, что мальчик с сочувствием и жалостью смотрит на него, потрясенного: «Да, ты летал...» — и понял, что он, действительно, достоин жалости.

Испытанное потрясение, как становится понятно из ассоциированного подтекста рассказа, привело повествователя к пониманию того, что взрослый человек уже никогда не сможет так цельно, доверчиво, органично воспринимать мир.

Но сквозь это понимание он все же оказывается охвачен страстным желанием научиться так же, как мальчик, понимать мир и в возбуждении просит отвести его к той березе, с которой Колька неделю назад разговаривал и научить его делать это. Колька относится ко всему очень серьезно, хотя и соглашается с оговоркой. «Хорошо, — негромко согласился Колька и неуверенно добавил:

— Если они нам поверят» [5, с. 171].

Поразительно изображено душевное движение героя-рассказчика: в лесу он почувствовал себя одиноким, отделенным одновременно и от Кольки, и от леса. Когда Колька потерялся из виду, рассказчик предполагает: «Это лес спрятал его от меня» [5, с. 172].

Здесь повествование подходит к самому главному внутреннему монологу рассказчика, являющемуся, по сути, кульминацией духовно-эмоционального поиска автора. Тщетно пытался он войти в ту волну, на которой Колька разговаривал с деревьями и побуждал его к участию в нем: «Как наше дерево разговаривает с тем, у которого в стволе дупло... Не слышишь? А как берёзы у поляны смеются над сосной, слышишь?» [5, с. 173]. Он понял: «Мы по-разному видели то одинаковое, что окру-

жало нас, по-разному слышали и чувствовали. Нас разделяла стена, название которой — детство. За ней было недостижимое тогда для меня таинство» [5,с.172].

Потрясение, которое испытал в этот день рассказчик, стоило ему тяжелой болезни. Но важно, что в преддверии забытья, когда он прижался к Кольке, он почувствовал, что уносится, возносится куда-то вверх и ощущает наконец:

«...тогда в какое-то мгновение мне показалось, что я полетел. Исчезло время, заменённое каким-то другим, неведомым, беспредельно свободным измерением, и я ясно услышал голоса деревьев. Они громко и тревожно переговаривались о нас с Колькой<...> и я разом увидел огромную, уходящую от меня землю и верхушки деревьев, радостно засмеявшихся мне вслед. Их смех был добрым, они принимали меня в свой удивительный, справедливый, чудесный мир. А ветер поднимал меня всё выше, кувыркал, опрокидывал, и небывалая лёгкость появилась в теле, и покой заполнил душу. Мне никогда ещё не было так хорошо, покойно и ясно на душе. Всё в моей жизни вдруг приобрело значимость и необходимость» [5,с. 173].

Да, только в состоянии забытья удалось герою испытать ту невероятную Божественную гармонию, которая приходит с человеком в мир и всю жизнь зовет за собой, открываясь в редкие мгновения нравственных потрясений. Но тяготение к ней, ощущение ее присутствия в мире – залог грядущего обретения человеком своего обновленного естества. Так можно прочесть, угадать кровную мысль писателя в этом рассказе.

Как уже говорилось выше, повесть структурирована как некий цельный текст. И этот рассказ в нем можно считать кульминационным. А функция развязки, на наш взгляд, лежит на рассказе «Колькина звезда». В первые дни приезда Колька попросил гостя рассказать ему «про небо». Колька внимательно слушал о космосе, звездах, галактике, и как казалось автору, ждал от рассказа чего-то необычного. В эту ночь мальчик неожиданно разбудил гостя, задав ему, смущаясь, вопрос, правда ли, что не все звезды еще открыли. И, получив утвердительный ответ, радостный убежал.

Квинтэссенция рассказа – в его концовке. Прожив в деревне месяц, повествователь должен был уезжать. Он понимал, что мальчик к нему очень привязался и расставание окажется нелегким для обоих. Когда же срок отъезда наступил, Колька поразил его своей по-детски-недетской щедростью. Мальчик напомнил, что нельзя возвращать подарки, нельзя отказываться от них, — этому его учил гость. И он с трепетом подвел старшего друга к крышке старого колодца.

«Пройдет время, — читаем в тексте авторское слово, — изменится что-то во мне и вокруг меня. Я постарею, а этот взгляд останется.

Кто-то задолго до нас с Колькой вот так же пристально смотрел в ожидании и предчувствии каких-то еще непонятных, но очень больших перемен, потерь и приобретений. *Это был взгляд детства с непотерянной еще наивностью, с беспредельной верой в чистоту и справедливость, с верой во всегашнюю правду окружающего нас мира. Но это был взгляд на пороге взросления. Колька неосознанно чувствовал это»*[5,с. 185] (Курсив мой. – В.З.).

Когда Колька открыл крышку колодца, на дне его «таинственно и неожиданно» вспыхнула маленьким фонариком отраженная звезда. «Это только моя звездочка. Про нее никто не знает... Она у меня только одна, но я дарю ее тебе... Не уезжай, а?» — прошептал Колька»[5,с. 186].

Трудно переоценить значение и глубочайшую силу этого эпизода. Ребенок готов на величайшее для него самоотречение, даруя своей драго-

ценный таинственный дар другу, но в глубине души он верил в возможность таким образом удержать друга не до конца:

«Маленькое, совсем крохотное сомнение уже жило в нем, будило предчувствие неизбежного, волновало и пугало. Может быть, Колька и не понимал, но в нем самом уже что-то догадывалось о том, что сейчас произойдет то, чего все мы нестерпимо желаем — потеря детства и первый урок взросления». [5, с. 185].

И этот урок вынужден был преподавать его старший друг.

Драматически пронзительна заключительная сцена рассказа, когда Колька бежит за автобусом со словами: «Звезда... Звезду-у оста-ви-л» [5, с. 188].

По силе эмоционального воздействия этот рассказ-эпилог можно считать и его второй кульминацией. Только в рассказе «Ветер» сильнейшее потрясение испытывает рассказчик, а здесь — маленький герой. А связаны эти состояния с постижением сложнейших проблем осознания человеком себя в окружающем мире. Здесь это глубокое постижение детства как метафизического возраста, как эпохи человеческого существования.

При этом для обоих героев — взрослого человека, и ребенка — уход *из детства* оказывается драматическим состоянием. Взрослый человек тоскует по непостижимо прекрасной цельности общения с миром природы, которой он лишился впоследствии, а мальчик предощущает грядущие разочарования, ожидающие его при этом исходе.

Мы рассмотрели здесь только три рассказа из повести В. В. Сдобнякова как наиболее убедительно, по нашему мнению, представляющие авторскую концепцию произведения, однако внимания заслуживают и другие маленькие шедевры этой книги, которую А. Парпара назвал «книгой глубокого нравственного заряда» [2].

Несмотря на камерность изображаемого, повесть, как можно было убедиться, расширяет проблематику изображаемого до масштабов общечеловеческих, бытийных, что свойственно традициям классики. Маленький герой В. В. Сдобнякова — талантливое художественное воплощение архетипа младенца, феноменология которого была убедительно проанализирована К. Г. Юнгом. «Младенец», по Юнгу, означает «нечто, развивающееся в направлении независимости»; «для “младенца” характерны деяния, смысл которых заключается в покорении темноты», а самое главное, на наш взгляд, что выделено Юнгом в этом архетипе, заключается в том, что он

«олицетворяет жизненные силы, которые находятся за пределами ограниченного пространства нашего сознания, он олицетворяет пути и возможности, неведомые одностороннему сознанию. “Младенец” — это символ целостности, охватывающей глубинные начала Природы. Он представляет самое сильное и неизбывное желание, присущее каждому существу — желание самореализации» [7, с. 107].

Как известно, «младенческим стадиям» развития народов было свойственно доверчивое единение человека с природой, в которой «находил он живое существо, всегда готовое отозваться на скорбь и веселье» [1, с. 37].

А детство как «метафизический возраст» во все времена остается такой цельной «младенческой стадией» в формировании личности, которую трудно переоценить в духовном, нравственном плане. И, конечно, в данном контексте важнейшей является отчетливо просвечивающая аллюзия на известный библейский постулат: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18:3).

Подводя итоги, заметим: проанализированная нами повесть в рассказах В. В. Сдобнякова «Колька», несомненно, является незаурядным произведением современной прозы, в котором на локальном материале поднимаются и проникновенно раскрываются значительные онтологические проблемы, которым всегда уделяла внимание отечественная и мировая классика.

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.
2. *Говорящее дерево.* Валерий Сдобняков. Книга глубокого нравственного заряда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/133438/readpart-govoryaschee-derevo-valerij-sdobnyakov/~4> (дата обращения 12.05.2022).
3. История русской литературы. Т. 3. Расцвет реализма // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1982. 876 с.
4. *Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
5. *Сдобняков В. В.* Колька // Валерий Сдобняков. Лестница. Нижний Новгород: Родное пепелище, 2017. 400 с.
6. См., например: *Сдобняков В. В.* Последний день: Повесть и рассказы. М.: Советский писатель, 2009. 352 с.; *Сдобняков В. В.* Сроки. И наступит время правды. Серия «Времена и мнения». Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2012. 440 с.; *Сдобняков В. В.* Лестница. Нижний Новгород: Родное пепелище, 2017. 400 с.
7. *Юнг К. Г.* Душа и миф: Шесть архетипов: пер. с англ. Киев — Москва: Порт-Рояль – Совершенство, 1997. 383 с.